

НАТАЛИЯ ГРУДИНИНА

ДВОЕВЛАСТИЕ

Наталия Иосифовна Грудинина

Двоевластие

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12834254
Двоевластие: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2015*

Аннотация

Книга стихов Н. И. Грудининой (1918–1999) «Двоевластие» – проект первого посмертного издания поэта. Значительная часть стихотворений, вошедших в книгу, ранее никогда не публиковались. Книга включает в себя также лучшие стихи из двух прижизненных сборников поэта: «Дневник сердца» (1960) и «Посвящается молодости» (1970). Кроме того составитель счел необходимым включить в книгу последний прижизненный сборник стихов Н. Грудининой «Совесь» (1999), вышедший небольшим тиражом в Москве за несколько месяцев до смерти автора, и практически не знакомый петербургскому читателю. Книга «Двоевластие» состоит из девяти тематических разделов, озаглавленных названиями или отдельными строчками вошедших в раздел стихов.

Содержание

«Пригубь строку, осилившую смерть»	8
В ночь на 9 мая 1945 года	14
Колокольная бессонницы	26
«Еще в беду меня не бросила...»	26
«Слава тебе, охотничий нож...»	30
Настроение	32
Другу	34
«Невесть откуда он пришел на землю...»	35
Христос – второе пришествие	36
Женщине	38
Голубое колесо	39
На открытии волжской ГЭС	43
Колокольная бессонницы	45
«Не пиши мемуаров. Кому эта пляска скелетов...»	48
Леса	49
«Преступно жить, когда не хочешь стать...»	52
«Ничем мне не грозит блестящий дождь...»	53
«Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...»	54
Перед календарем	55
Зима, – 40°С	56
«Трезвонь, моя ласточка, в колокол неба трезвонь...»	57

Огонь	58
«Стали травы невмочь опасны...»	59
«Из вечерних газет, с голубого экрана...»	60
Совесьть	62
Памяти Атилы Йожефа	64
1	64
2	65
3	66
«О, это шараханье зала из крайности в крайность...»	67
Молчаливый патруль	68
Вторая сторона вещей	70
Откровенность	72
Осушение болот	74
Совет дочери	75
Материнский сонет	76
«Какую муть несет в себе вода...»	77
Скучная ссора с дочерью	78
«Крупнозначных купюр не оставлю в наследство —...»	79
«Погода стоит серенькая, мохнатая...»	80
«Плохо ли нам с тобой, хорошо ль...»	82
«Сиреневый в небе закат...»	83
«В блеске инея, в треске веток...»	84
«Вести бьют по сердцу вхолостую...»	86
На псковщине	87

«Пожухлая, неспелая...»	88
«Разгул огня. Нашествие воды...»	90
«Все просишь понимастья...»	91
«Пристани выщербленный помост...»	92
Торжество реакции	93
Псков	95
Двоевластие	96
«Я помню школу и над головой...»	98
«Как спорил он с Лениным, кто бы послушал...»	100
«Прости ты меня, супостат бородатый...»	102
«Кто и за что накликал мне беду...»	104
«Вседневных отрицаний хлам...»	106
«Юнец колючий, дурно воспитанный...»	108
«Ночи белые мутней, чем обычно...»	109
«В этот благостный день выхожу, как царица из дома...»	111
Черемуха	112
Черемуха	114
«Пускай еще и зорька не красна...»	115
Сказка про Ермака	116
«Итак, не поняла твоей красоты я...»	122
Старый рояль	124
Париж, которого я не видела	126
Донный свет	129
В ночь на 9 мая 1945 года	130

«Портрет, сухим бессмертником увенчанный...»	131
«Прощённое грехопадение...»	132
В чужой избе	133
Баллада о весах	136
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Наталья Грудинина

Двоевластие

© Грудинина Н. (наследники), текст, 2015.

© «Геликон Плюс», макет, 2015.

* * *

Наталья Иосифовна Грудинина, 1937 г.

«Пригубь строку, осилившую смерть»

Читатель, я завидую тебе – ты впервые будешь читать эти гармоничные, так непохожие на произведения современных поэтов стихи. Они мудры и жизнелюбивы, по самому высокому, «гамбургскому счету» крепко сделаны. Классическая чеканка стиха, логичное и в то же время эмоциональное, порой экспрессивное развитие композиционного образа могут показаться тебе, читатель, чуть старомодными – сейчас в моде вязкая рефлексивность, свободные неканонические формы, белые, т. е. безрифменные стихи – но именно этот суховатый, жестковатый, дисциплинированный точной рифмой и силлабо-тоническими размерами стих по-настоящему свободен – он так отточен, виртуозен, неожиданно афористичен в пуанте, что настоящий ценитель поэзии, читая сборник, не раз воскликнет: «Как же это увидено и сделано?!» И объяснить как – не сможет. Вечная непостижимая тайна истинного таланта:

Пристани выщербленный помост,
Отсвет воды белесой,
Сердце мое – не спасательный пост,
Руки мои – не весла.
Гонит прилив за волну волну,

Мостик шатая хрупкий.
Месяц ущербный прирос ко дну,
Как затонувшая шлюпка.

Просто, точно. Не отсюда ли, из этой литературной школы, песни Николая Рубцова – ученика поэтессы, с которой мы знакомимся?

Наталья Иосифовна Грудинина (26. 11. 1918 – 19. 12. 1999) родилась в Петрограде. С отличием окончила среднюю школу и без экзаменов поступила на английское отделение филологического факультета Ленинградского университета. Стихи писала с шести лет. В молодые годы переводила из Байрона и Э. По. Переводы эти никогда не публиковала, полагая недостаточно совершенными для высокой классики. Впрочем, в 70-е годы Н. Грудинина выиграла конкурс на перевод нескольких стихотворений из «Еврейских мелодий» Байрона, но тут как назло случился арабо-израильский конфликт, и стихи были выкинуты из набора. Обычное проявление уродливой советской цензуры.

В начале войны пришлось досрочно сдать госэкзамены, в первую блокадную зиму Наталья Иосифовна работала в военном госпитале. Кроме общей большой беды ей довелось пережить две личные трагедии: гибель в бою под Синявинным первым мужа и смерть их четырехмесячного первенца. Весной 1942 года она добровольно ушла на фронт, окончила курсы медсестер и школу разведчиков. О войне писала позд-

нее в своей неопубликованной автобиографии:

«Работала радисткой, медсестрой, потом попала на Балтику в бригаду шхерных кораблей – и это было для меня самым важным периодом моей военной жизни. Работала в нашей бригадной газете «Боевой курс». Участвовала в боях за острова Выборгского залива, потом – за остров Сааремаа. Писала очерки, корреспонденции, стихи. Под стихами подписывалась своей фамилией, под прозой – псевдонимами Шинко, Маркова. Главным образом – Шинко, чтобы не поняли, кто пишет – женщина или мужчина. На флоте живы были старинные традиции: женщин на корабли не пускать, может принести несчастье. Но первый же боевой мой эпизод на корабле – канлодке «Ока», стоявшей на боевой позиции – не принес морякам несчастья, хотя пробралась я туда тайком, ночью, в шлюпке, и чуть не была изгнана командиром корабля – мол, убирайся на сушу тем же путем, как сюда добралась. Потом сжалился, оставил, дал доделать работу корреспондента, написать о матросах-артиллеристах, их искусстве и храбрости. А потом уж традиция для меня была отменена. Ходила в бои и на кораблях поддержки, и на тендерах, высаживавших десант. Оченьгодились мне тогда мои медицинские познания, пусть небольшие. Умела перевязывать раны, останавливать кровотечения. <...> За операцию по взятию Сааремаа была награждена медалью «За боевые заслуги». Всю войну была краснофлотцем. И писала о краснофлотцах, и газета наша была краснофлотской. Наверное,

для меня, интеллигентки, это было очень важно. Узнала думы рядовых людей – героев прославленных и безымянных еще в то время. После войны напоминала людям имена тех, кого не успели назвать газеты в войну. Называла эти имена всюду, где могла: в статьях, в радио- и телепередачах. А о жизни комсорга отряда тендеров Николая Гетманенко, о его подвиге и смерти написала поэму «Слово о комсорге»». Поэму напечатал журнал «Звезда», в 1948 году она вышла отдельной книгой, первой авторской книгой Н. И. Грудининой.

Война вошла в жизнь и поэзию Грудининой как мерило человеческих достоинств: правдивости, мужества, верности себе и поколению.

... Что ж, война есть война. Да и память о ней
Не всегда укрощается пактами дружбы.
Но с войны, как с горы, нам да будет видней
С кем и как выяснять отношения нужно.

Это заключительные строки из стихотворения «Уважение». Оно не только о подвиге офицерской роты морской пехоты, зимой 1943 года сражавшейся с немцами и финнами за Карельский перешеек, но и о враге – беспощадном снайпере-кукушке, изрешеченном пулями, расстрелявшем все патроны, но не сдавшемся, ненавидимом, но заслужившем уважение противника. Такой же мудрый, но отнюдь не всепрощающий взгляд через десятилетия на итоги и уроки войны в стихах «Могила врага у Влтавы», «Берегитесь войны», «На

экскурсии», «Баллада о немецкой матери», «Добрый вечер» и мн. др.

Еще одна военная тема, сильно и драматично раскрытая на страницах этой книги:

Другая – не отпетая – война,
Что остается в грешном человеке
Посевом добровечного зерна,
Она болит, и плачет, и лучится
В кристаллах чистых совести самой,
Неисказенно отражая лица
Солдат, не возвратившихся домой.

Солдат, не возвратившийся домой, становится дневальным своего дома, невидимкой, его охраняющим, в стихотворении «Часовой» – тончайшей психологической зарисовке.

Такой же сложный рисунок в «Балладе о Весах», где небесное созвездие становится символом того единственного, высшего суда, кому только и дано когда-нибудь взвесить ложь и правду, истинную любовь и великодушие. Наталия Иосифовна ушла на войну молодой, поэтому так много в ее стихах о войне говорится о любви и поэтому в ее любовной лирике хоть бы и поздних лет неизменным фоном всему стоят неизжитые военные испытания и утраты.

Еще одна стилистическая особенность – поэт стремится избегать пафосности, даже когда пишет о событиях героических (поэма «Два боя») или о самой Победе. Для нее важ-

нее точность деталей, которые своей неброскостью, будничностью, как бы просто перечислением создают интонационную напряженность ожидания величайшего события XX века:

В ночь на 9 мая 1945 года

Накануне конца той великой войны
Были вешние звезды видны – не видны
За белёсою дымкою ночи.
В полусне бормотал настороженный дом,
И морзянкой стучала капель за окном:
Вопросительный знак, многоточье...
Ветер в трубах остывших по-птичьи звучал,
Громыхал ледоход о щербатый причал,
Пахло сыростью из подворотен,
А луна, словно сталь, и темна и светла,
По небесной параболе медленно шла
И была, как снаряд на излете.

После войны Грудинина работала на Ленинградском металлическом заводе техническим переводчиком, переводила документацию на станки, присылаемые по Ленд-Лизу, ездила на строящиеся ГЭС, занималась журналистикой. Продолжала писать стихи, посещала ЛИТО при Союзе писателей, которое тогда вел Вс. Рождественский.

В 1950 году была принята в Союз писателей, вышла ее вторая поэтическая книга «Дневник сердца» (1960 г.), а затем – третья «Посвящается молодости» (1970 г.). Обе книги – небольшие по объему. И после значительного перерыва,

незадолго до смерти поэта, появился последний прижизненный сборник стихов и переводов – «Совесь» (1999 г.), изданный малым тиражом на средства Ямало-Ненецкого округа в благодарность за помощь в становлении многих поэтов Севера и Дальнего Востока. В предисловии к сборнику стихов «Совесь» Грудинина писала:

«Поэзия Севера ворвалась в мою жизнь неожиданно и властно. Раньше, как филолог-западник, я занималась переводами с европейских языков и языков некоторых наших национальных республик. Но эту работу заказывали мне издательства. Они любили ленинградских поэтов за добросовестность и культуру.

А вот северян никто мне не заказывал. Сама обнаружила этот драгоценный пласт поэзии, попав на конференцию литератур народов Севера и Дальнего Востока. И с тех пор северные поэты заняли в моей работе особое, ведущее место. Вы спросите, почему? Потрясла меня их совесть, искренность, открылась неведомая мне ранее культура древних веков Севера, мудрость традиций и мыслей.

С этих пор я стала отказываться от издательских заказов. На свой страх и риск стала переводить стихи, что присылали мне сами северные авторы. Потому что Север стал необходим моему сердцу».

Помимо множества стихов и поэм северных поэтов, вошедших в различные сборники, Н. Грудинина перевела две большие поэмы по мотивам древнего эпоса северных наро-

дов, вышедшие отдельными книгами: «Тер» Л. Лапцуня (пер. с ненецкого, М., 1984 г.) и «Человек Ыхмифа» В. Санги (пер. с нивхского, М., 1984 г.), а также вышедшую отдельным изданием детскую поэму Л. Лапцуня «Эдейка» (М., 1974 г.).

Настоящая книга, хотя и не абсолютно полное собрание стихотворений, но максимально приближена к такому типу изданий. Составителем был избран тематический принцип представления стихов. Он, конечно, произвольный, но и вынужденный. Дело в том, что Наталия Иосифовна, как правило, не датировала свои произведения, тем самым, вероятно, оставляя за собой право возвращаться к первоначальным текстам, править их, создавать новые редакции, что и происходило в действительности. Творческая жизнь поэта была продолжительной, и жаль, что читатель во многих случаях не имеет возможности соотнести стихи хотя бы с определенным десятилетием. Особенно это интересно в стихах публицистических, корреспондирующих с современностью, но там подчас встречаются определяющие датировку названные события или имена, как в блистательной эпиграмме, посвященной памяти академика А. Д. Сахарова:

О, это шараханье зала из крайности в крайность...
Когда на трибуну восходит картавый чудак,
Поймешь ли, правитель, что судит тебя гениальность
В осмеянной скорби своих безоружных атак?!

Наталия Грудина – лирик. Глубокий, утонченный, в мо-

лодых стихах – дерзкий, в поздних, которые в силу внешних причин и личностных черт характера – «не хватало времени и нервов ходить по редакциям» – в основном писались «в стол», – мудрый, грустный, сомневающийся, но никогда не разуверившийся в своих идеалах лирик. Автор словно ведет бесконечный диалог с незримым собеседником: ушедшей юностью, наступающей старостью, собственной совестью, родной землей, другом, любимым, дочерью и, очень часто, учеником – ершистым молодым фрондёром:

Прости ты меня, супостат бородатый,
Поборник штанов из вельвета,
Что хлебом и солью всего и богата,
Что в латаный ватник одета.

И, если в 70-е годы поэт еще может иногда обрушиться на молодое поколение с тяжеловесных и суровых позиций человека слишком хорошо осознающего хрупкость мира (стихотворение «Торжество реакции»), то в поздних стихотворениях конца 80-х – начала 90-х годов интонация меняется кардинально. Не обвинять, не гневиться, а уступить молодости дорогу и подставить слабеющие, но все еще оберегающие руки:

Юнец колючий, дурно воспитанный,
Горькой любви жнивье,
Войной и голодом не испытанный,

Да святится имя твое.
Теплишь в сердце моем встревоженном
Сторожевой огонь.
Совість моя, словно конь стреноженный,
Хмурый бескрылый конь.

Книга не монотонна – многожанрова. Удаются портреты, типы. Это особо привечаемые поэтом люди труда, своего любимого дела, для которого не жаль жизни, потому что дело и есть сама жизнь: «Голубое колесо», «Как спорил он с Лениным, кто бы послушал...», «На открытии Волжской ГЭС», «Колокольная бессонницы», «Женщине» и многие другие.

Пейзаж – обязательно очеловеченный, одухотворенный, исцеляющий:

Под темными шапками сосен
Червонных кустов монолит.
Какая великая осень
Над этим поселком стоит <...>

И если грустишь, позавидуй
Природе в багряном венце —
Ни горькой вражды, ни обиды
На замкнутом этом лице.
(Из стихотворения «На Псковщине»)

Или два стихотворения с одним названием, две «Черемухи». Первое, «постоттепельное» (середина-конец 60-х гг.).

Сколько в нем горечи, почти детской обиды:

...Ну зачем возвратились вы с вашей неправдой,
Мерзлых луж искажающие зеркала <...>

и сколько молодой, непоколебимой веры в будущее:

...Это все же весна – что бы там ни случилось,
Это северный ветер в силках у ветвей,
Это – солнце, что пасмурным снегом умылось,
Направляясь в зенит по орбите своей.

Другая «Черемуха» – «перестроечная» (80-е гг.). Короткое, тихое стихотворение, пейзаж «без героя». Нет здесь ни пафоса, ни веры, а только свет и отчаянная, на одной струне вибрирующая надежда:

...И не было еще весны,
Был холод ниоткуда,
Но этот цвет, как сталь струны,
Звучал и жаждал чуда.

Баллада – повествование о необычном, о чудесном, часто с трагическим концом, гибелью героя. Да, у поэта все так, сохранена верность литературной традиции, все законы жанра соблюдены. Но это – современные баллады: уже названные «Баллада о Весах», «Баллада о немецкой матери», «Баллада об эдельвейсе», может быть, написанные не без влияния по-

эзии молодых Горького и Тихонова.

Инвектива – гневное обличение: «Говорят, что приехал из Афганистана... (Яковлеву, приехавшему из Афганистана)», «На встрече ветеранов войны». А еще – рассказы в стихах, песни, поэмы, сказки для детей и взрослых. Много наработано за многотрудную жизнь, вот и пришла пора все собрать, подытожить.

Тревожная с середины XX века экологическая тема у Грудининой, как и у писателей, ее современников: Чингиза Айтматова, Валентина Распутина, Сергей Залыгина и др. – перерастает в тему нравственной и социальной экологии:

Поезжайте, ребята, в тундру,
Там живетса совсем не трудно,
Там подростки-волчата рыщут
В честном поиске честной пищи,
Там олень, никого не грабя,
Добывает копытцем ягель,
И песец скользит без машины
По неясным следам мышиным.
Поезжайте, ребята, в тундру.
Там еще не везде паскудно.

Но самые пронзительные строки – о любви, счастливой и трагической, они звучат от первой лирической книги – «Дневник сердца» до зенита творчества – последнего любовного цикла, обращенного к уже ушедшему из этого мира му-

жу, разлука с которым все равно невозможна, легче, даже сладостнее разлучиться с жизнью:

...Подарил мне свою милосердную смерть,
Чтоб кричать мне от счастья, с ненужной землей
расставаясь.

Мир любви всеобъемлющ, она в стихах, адресованных близким, друзьям, поэтам, которых знала и стихи которых переводила, садам, лесам – Родине и населяющим ее «братьям нашим меньшим». В стихах цветут цветы, щебечут и смотрят умными глазами птицы, приходит в дом (во сне) желанный гость – медведь, но самый родной друг – так было и в жизни – пес. Щемящие стихи о собаках в книге собраны в невыделенный цикл, просто идут подряд: «Песенка про щенка», «Хозяин – ворюга. Но псу он дороже всего...», «Из родословной собаки А. И. Гитовича», «У самой границы, в отравленных травах...», «Жестокое бельё казармы...», «Пропала собака, смышленная морда...». И как итог сложившихся гармоничных отношений:

Люблю животных больше, чем людей,
Не потому, что от волнений кроюсь,
Люблю, как безыскусственную совесть,
Как милосердных и прямых судей.
Без краснобайства и подспудной лжи
Приемлют и закаты и восходы,

И не погаснет – что ни прикажи! —
На дне зрачков зеленый свет свободы.

Странно, как в этом небольшом стихотворении на, казалось бы, «звериную» тему неожиданно преломились две важнейшие идеи, пронизывающие своим долгим, тревожным звучанием все творчество, да и всю жизнь поэта. Совесть и свобода – такой невесомый, но порой такой мучительный груз, одухотворяющий собой и любовь, и все человеческие труды.

Всем, знавшим Грудинину, хорошо был известен ее общественный темперамент, обостренное чувство справедливости, готовность встать на защиту преследуемых и обиженных. В суде над И. Бродским (1964 г.), обвиняемом в тунеядстве, она выступала общественным защитником, и в отношении ее, а также Е. Эткинда и В. Адмони было вынесено частное определение «об отсутствии у них идейной зоркости и партийной принципиальности». На этом основании Грудинина была отстранена от работы с молодыми литераторами. В своей борьбе за судьбу Бродского и судьбу своих друзей Наталия Иосифовна дошла до ЦК КПСС, ее записку получил и прочитал Хрущев, а после короткого письма Грудининой заведующему отделом административных органов ЦК КПСС Миронову и эмоционального телефонного разговора с ним же неповоротливый механизм советской партийно-бюрократической машины наконец-то дал задний

ход. Дело было пересмотрено, срок высылки Бродского снижен с 5 лет до уже отбытых 1 года 5 месяцев, частное определение отменено. Незадолго до отъезда из страны Бродский подарил Грудининой оттиск публикации своих стихов с дарственной надписью: «Дорогой Наталье Иосифовне Грудининой от Иосифа Бродского, подзащитного, подопечного, от поэта и, кажется, от путешественника 27 V 72 г. Ленинград».

В 1975 г. Грудина приложила много сил, чтобы изменить ход дела Эткинда, и тяжело переживала решение своего друга и соратника покинуть страну именно в тот момент, когда в его, не менее отвратительном, чем преследование Бродского, «деле», наметился позитивный сдвиг. Друзьям-эмигрантам, в их числе и Е. Г. Эдкинду, посвящено щемяще грустное стихотворение «Зажигается лампа ночная моя...».

Как пишет в своем биографическом очерке о матери (не опубликованном) дочь Грудининой Анна, «Наталья Иосифовна занималась восстановлением справедливости не только в писательских кругах, но и в медицине», и называет имена Качугина, Васильева – пропагандиста бальнеологической методики Залманова, вспоминает заступничество «за одного мурманского врача» и освобождение «одного незаконно осужденного псковского музыканта». Кстати, шуточное стихотворное поздравление «Наклепал на нас какой-то сатана...», адресованное академику А. И. Бергу, относится ко времени отнюдь не шуточной и весьма драматической борьбы Грудининой и ее друзей, врачей и писателей, за раз-

работанный А. Т. Качугиным новаторский метод семикарбазид-кадмиевой терапии рака, который советские официальные онкологи объявили шарлатанством, но благополучно подхватили, развили и усовершенствовали их западные коллеги.

Всю жизнь Грудинина работала с литературной молодежью. Десять лет вела занятия со старшеклассниками в литературном клубе «Дерзание» при Ленинградском Дворце пионеров, руководила ЛИТО на заводе «Светлана», ЛИТО «Нарвская Застава», а в конце 60-х гг. – центральным ЛИТО при ЛО СП. Участвовала в составлении коллективных сборников молодых поэтов Ленинграда, была автором предисловий к книгам своих воспитанников. В первую очередь к ним, но и к каждому читателю тоже обращены слова поэта, звучащие сейчас как завещание:

Пусть автор мертв, но он заставил Лету
Ручьем пробиться сквозь земную твердь...
Его вопросы ждут твоих ответов.
Пригубь строку, осилившую смерть.

Как-то в нашем разговоре уже последних лет Наталия Иосифовна вдруг спросила меня – что мне помнится из ее стихов? Я прочитала наизусть «Любовь – винтовая лестница...» (в первой редакции). Мне показалось, она была несколько разочарована и как-то отстраненно, словно не о себе, обронила: «Ну, это классика...». Справедливо. Все

стихи, которые ждут тебя, читатель, – классика поколения, его идеалы, сомнения, бесценная для нас жизнь. Большая, мужественная жизнь. Высокая поэзия.

Татьяна ЦАРЬКОВА

*Зав. Рукописным отделом ИРЛИ РАН (Пушкинский дом),
доктор наук, член союза писателей России*

Колокольная бессонницы

«Еще в беду меня не бросила...»

Еще в беду меня не бросила
Ничья холодная рука,
А уж из красной рамы осени
Ко мне шагнули облака.

Они всю комнату завьюжили,
Предупреждая и грозя,
Что скоро старость безоружная
Ко мне навяжется в друзья.

И скажет: – Стань моей голубою,
Не простужай моих костей,
Не приноси из мира грубого
Неутешительных вестей.

Уже лицо твое муарово,
И привкус инея в стихах...
Давай займемся мемуарами
Об извинительных грехах.

Про то, как где-нибудь обидели
Кого-то по ничьей вине,
Про все, что видели-не видели,
Безгласно стоя в стороне.

Еще припомним умилительно
Заслуги большие в сто крат:
Растили гласно и рачительно
Не просто дерево, а сад.

Короче – жизнь недаром прожита
И – в свой черед награждена!

Скажи мне, старость, кем ты прошена
И кем к столу приглашена?

Еще не столь вегетарьянственно
Здесь все на вкус ленивый твой,
Еще бушует ветер странствия
Над сумасбродной головой.

Еще худая мебель выстоит —
Чем старомодней – тем прямой.
Здесь все кричит – от книг залистанных
До грешной памяти моей.

Не смей вязаться мне в союзники,
Имей, горбатая, в виду —
Еще пока деревья – узники
В моем ухоженном саду.

Еще бредут неотомщенные
Седые призраки в стихи,
Еще не знаю, где – прощенные,
А где – зудящие грехи.

Я буду жить, пока не вызнаю,
Кто завладеет вслед за мной

Моей мучительной отчизною
С ее раскаянной виной.

И только в день и час доверия,
С былым и будущим в ладу,
Переломлюсь отжившим деревом
В неогороженном саду.

«Слава тебе, охотничий нож...»

Слава тебе, охотничий нож,
Детская прыть двустволки.
В листьях хлопочет сентябрьский дождь,
Солнечный и недолгий.

Тучи – как яблоки на весу,
День холодней и чище.
Бродит поэт в брусничном лесу,
Ищет духовной пищи.

Где-то есть страны своих теплей,
Дом там и стол готовый.
Дай ему, Боже, твоих журавлей
Красноязычный говор.

Дай ему с древа добра и зла
Грешное яблоко славы.
Дай! Чтоб завистливого стила
Не искушал лукавый.

Пусть вольнодумно звучит струна,
Зависть и страх осилив —
Осень! Охота разрешена
В светлых лесах России!

Слава тебе, охотничий нож,
Детская пруть двустволки...
Слезы? Да полно! Сентябрьский дождь —
Солнечный и недолгий!

Настроение

С тех пор, как мир перешагнул пороги
Дозволенного сердцу и уму,
Я, капля в море, я, одна из многих,
Своих предначертаний не пойму.

Не спрошенная сильными ни разу,
Как рядовой в сумятице войны,
Послушная непонятым приказам,
Я, может быть, преступна без вины.

Мне не ходить по самобытным тропам,
Не вырваться из добровольных пут,
Моя любовь лежит под микроскопом,
Моя печаль выносятся на суд.

Ни лжи, ни правды на земле не признав,
Болею и блаженствую на ней
Подопытным животным оптимизма,
Глашатаем подопытных идей.

Но, может быть, с исходом поколения
Моя усталость, боль и слепота
Найдут награду или искупление:
Так строят просто дом в местах сражений,
Где нет ни обелиска, ни креста.

Другу

Несешь свой малый искренний талант
Безропотно по тропке невезучей,
Пока на смену не придет атлант
Нести эпоху на плечах могучих.
Покорно переносишь немоту
И глухоту к своим земным надеждам,
Притворно не рядишься в простоту,
Не тратишься на модные одежды
Зато не доживешь ни до суда,
Ни до закланья при честном народе —
Померкнешь бескорыстно, как звезда,
На непременно солнечном восходе.

«Невесть откуда он пришел на землю...»

Невесть откуда он пришел на землю,
Кудесник ли, волшебник или Бог.
Глаголу неизученному внемля,
Он отдал человеку все, что мог.

Он умер потому, что отделился
Корнями от магической звезды
И драгоценным разумом вселился
В людские немудрящие труды.

Так, домыслы наук опережая,
Рассеянная в прахе и в пыли,
Метеорита химия чужая
Становится сокровищем Земли.

Христос – второе пришествие

Он получил в наследство дом,
Который хоть на слом.
Наследству бедному не рад,
Вступил в заросший сад.
Не плотник и не садовод,
Растрепанно бранясь,
Он все ж трудился целый год,
Убрал щепу и грязь.
Неточно бухал молотком,
Сбивая в кровь персты,
И выкорчевывал с трудом
Бесплодные кусты.
Сажал цветы и черенки,
Насквозь в седьмом поту,
Но вредоносные жуки
Точили красоту.
К тому же гром пустой гремел,
А ливни всё не шли.
Он слишком многого хотел
От медленной земли.
Вот крыши крен подпер столбом,
Полы настлал кой-как,
И всё один, своим горбом,
И всё один пока...
И вот устал, и умер, и

Вознесся в небеса.
Багряным отсветом зари
В саду цвела роса...
Пришел другой в незрелый сад,
В незавершенный дом,
И был доволен, говорят,
Тем начатым трудом.
Пускай в нужде, да не в беде
Полы и потолки,
И приживаются кой-где
Христовы черенки.
До счастья не подать рукой,
Но и печаль не та...
Дай Бог победы хоть такой,
Как дом и сад Христа.

Женщине

Убереги свой чистый дом
От золотого дна.
Ночной пчелой пусть дочка в нем
Уснет, притомлена.

Неслышной женскою рукой
Протри стекло окна:
Тысячелетняя, с клюкой,
В твой сад пришла весна.

Она вершит привычный труд,
Светлы ее черты,
И на клюке ее цветут
Багровые цветы.

Никто не в силах умереть,
Когда работы воз...
Не уставай и ты смотреть,
Чтоб каждый бремя нес.

Концы невидимы пока
Святых людских дорог.
А деньги – что! От них рука
Не в свой отсохнет срок.

Голубое колесо

Памяти конструктора турбины
Красноярской ГЭС
Льва Николаевича Петрова
Привечали, провожали.
Оттерпелись величанья,
Отзвенели хрустали.
К тихой даче с витражами
В красно-желтом осиянье
Ветры ночью прибрели.
По трубе, по тонкой жести
Барабанят дробью длинной.

В бочке вспыхнула вода...
– Отворяй, начальство, двери.
Подставляй к столу корзину —
Думы высыпать куда...

– Заходи, товарищ Лева.
Заждался тебя я, двери
Не закрыты на засов.
Будем вместе думать думы,
Вместе верить ли, не верить
В голубое колесо.

А когда оно приснилось,

Голубое, отразилось
В красно-желтом витраже?
Прикатил же черт такое!
В красно-желтом непокое
Десять лет живем уже.

Уработались до пота...
За успех такой работы
Никаких гарантий нет.
Енисей тебе не бочка.
Обхохочет нас, и точка, брат,
Технический совет.

Может дело выйти боком...
По эскизу темным оком
Поплутали, как в лесу.
Обругали марку стали,
Посчитали, покричали,
Все бока ему намяли,
Голубому колесу.

Красный ветер в небе мчится,
Тучи желтые качая,
Красно-желтая жар-птица
Барабанит по трубе.
– Завари покрепче чаю,
Мне опять не по себе.

Подкрепился, отдышался,

Желтым профилем прижался
К ветру красному в ночи.
– Не гляди, начальство, хмуро.
Уродилось сердце дурой —
Вот такие калачи.

Ты мне лоб рукой не трогай!
Сердце выброшу дорогой,
Думы дальше понесу.
Отнесись, начальство, строго
К голубому колесу.

Красно-желтый пламень сея,
Провода Сибирью всею
Побегут туда-сюда!
Без огня у Енисея
Некрасивая вода.

В тихом зале неколонном
Кто-то лоб губами тронул,
Кто-то молвил над бедой:
– Был ты, Лева, обреченный
Сдюжить груз тысячетонный
И лежишь не окрещенный
Енисейскою водой.

Что ни слово – все не ново,
Поздним светом светит слово,
Провожая в путь неблизкий.

Только дело не в словах:
Колесо над обелиском
Голубое в головах...

Слышишь, ты, не плачь, начальство.
Не дожить кому-то нужно,
И дожить кому-то нужно,
И зажечь кому-то нужно
Воды темные в ночи.
А, не в службу, брат, а в дружбу.
Вот такие калачи.

На открытии волжской ГЭС

Не поставлен толпе в персональный пример,
Орденор получать не имея в виду,
На открытии ГЭС пожилой инженер
Деловито присутствовал в третьем ряду.
А у створа плотины вскипала вода,
Навсегда потеряв изначальный покой,
И ступенями шлюза шагали суда,
Молодое «ура!» распластав над рекой.

Пожилой инженер, – он был жизнью из тех,
Кто не бросил на ватман бессмертный эскиз,
Чей затерянный в буднях неяркий успех
Скородумным пером не почтил журналист.
Он был жизнью из тех, кто к урочным часам
Чертежи отработывал до мелочей,
И талант беспощадный его не бросал
В добровольную муку бессонных ночей.
Ну а молодость, вечно готовая в бой,
Та, что трезвый совет принимает не вдруг,
Сколько раз не заметила рядом с собой
Укоряющих глаз, охраняющих рук,
Сколько раз ей случалось досады не скрыть,
Если, прыткую мысль на лету тормозя,
Он не к месту ворчал и просил не забыть
О каких-то винтах, без которых нельзя,

О каких-то просчетах и малых грехах,
Что однажды сольются в большие грехи,
Так фальшивые строки в отважных стихах
Скоротечным недугом сражают стихи...

Я не вправе незванным огнем освещать
Сокровенные скорби людей рядовых,
Только знаю, что трудное счастье – прощать —
В полный рост умещается в сердце у них.
Так смолчу ли о тех, кто душою дорос
До любого, чья слава сейчас велика?

Закипает вода у машинных колес,
На стальные валы накрутив облака,
Разбивается в пыль о бетонный барьер,
И страдает, и крепнет в неравном бою,
И живет на земле пожилой инженер,
Не последний в строю и не первый в строю.

Колокольная бессонница

Звезды крупные висят
Над тобой, как звонница,
А в ушах твоих в набат
Грохает бессонница.
Кто-то глупый за недуг
Ее принимает,
А тебя, мой старый друг,
Она не замает,
Не замает, не сомнет
Светлый лоб морщиной.
Беспокойная, уснет
Пушкой медицина.

Ночь гремит в колокола,
На тебя в обиде:
Ты со зла ли, не со зла
Никогда не видел
Этот цвет голубой
Решетки балконной?
Этот темный прибор
Листвы законной?
На уступе стены
Этот лунный локон?
И какие у луны
Глаза с поволокой?

Были сном и не сном
Отторгнуты ночи:
Незакатным огнем
Пулеметных точек.
Время спать – время вспять
Ворочало дышло.
Сколько раз хотелось спать —
Столько раз не вышло.

А потом куда вели
Житейские вехи?
В кочегарки земли —
В литейные цехи.
День испекся в огне,
Никакой не песенный,
Хрипло дышит во сне
Вредная профессия...

– Тик-так, тик-так, —
Монотонит маятник, —
При-ляг, при-ляг,
Мой работник маетный.
Не прокрасться бы рже
В механизм нечиненый,
Сколько стукнуло уже —
Все твои, не чьи-нибудь.

Тик-так, тишина...

Чуткая, верная,
Ночь стоит у окна,
Как любовь первая.

«Не пиши мемуаров. Кому эта пляска скелетов...»

Не пиши мемуаров. Кому эта пляска скелетов
Пригодится для совести, бьющей усталым крылом?
Беспреданно меняется формула мрака и света,
В ней добрейший учитель меняет число за числом.
Ты лишь крошечный знак в математике этой всевышней,
Не постигнешь умом ни начала ее, ни конца.
И отринув вопрос, обязательный ты или лишний,
Занимайся собой – сохраняй неизменность лица.
На гримасы не траться, чурайся искусства гримеров,
Разрешай только времени складками лоб бороздить.
Оставайся собой среди грозных и суетных споров,
По лицу старика будет сын о грядущем судить.
И не важно, что некто, играющий в кости и масти,
Перельет твое слово в тяжелый и грязный свинец.
Минет каторжный срок, и очерченной клеточкой счастья
Ляжешь в тайную завязь еще не живущих сердец.
Не пиши мемуаров – сынам оправданий не надо,
Оставайся числом, неизменным в любви и в беде,
Как упавшее спелое яблоко – первенец сада,
Как надломленный ирис, углом умеревший в воде.

Леса

По всей неоглядной России
В просветах пшениц и овсов
Спокойная дышит стихия
Непонятых мною лесов.

Такого ущербного свойства
Мой разум, и так он нелеп,
Что к этому мирному войску
Он глух остается и слеп.

Мне горные кряжи дороже
С лобастой луной на плечах
И даже, прости меня, Боже,
Погибших земель солончак.

И эта, что ноги мне лижет,
Опасность без дна и краев —
Смурное, пиратское трижды,
Отпетое море мое.

Итоги великих крушений —
Пространства стихий неживых.
Как схожи мои помышленья
С безвыходной горечью их.

Так больно от дружбы неверной,
Так яростна память беды,
Что даже и в час милосердный
Рукою подать до вражды.

Но в городе цинковых кровель,
В искусственных радостях дня
Все громче, как братья по крови,
Леса окликают меня.

Сулят опоить меня солнцем
И, веруя в вечность мою,
Зовут меня стать знаменосцем
В их добром работном строю,

Где каждый отживший на свете
Печется о благе Земли,
Где многие беды столетий
Счастливой травой поросли.

На горле моем обнаженном
Заката лежит полоса...
Не поздно ли птицам спаленным
До вас приземляться, леса?

И что вам мое милосердьё
С испариной гнева на лбу?
В растительном вашем бессмертьё
Найду ли вторую судьбу?

* * *

«Преступно жить, когда не хочешь стать...»

Преступно жить, когда не хочешь стать
Ни васильком, ни звоном спелой ржи,
Когда не хочешь сладостно глотать
Озон, где круты птичьи виражи...
А что потом, после таких словес?
Все тот же прах и обгорелый лес.

* * *

«Ничем мне не грозит блестящий дождь...»

Ничем мне не грозит блестящий дождь
И музыка бравурная раската.
Ты, страх мой безотчетный, подождешь!
Еще не срок ответам и расплатам.

Еще никто не ставит мне в вину
Большого неба над нейтральной зоной,
Еще мне Бог дарует тишину
Животворящей свежести озонной.

* * *

«Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...»

Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить,
Есть у меня покой —
Выстраданный, заслуженный,
Невиноватый.
Все, что желалось —
В сердце и под рукой.
Разве что слава...
Но ею не все богаты.

Мне бы дожить
И войти в двадцать первый век,
Судеб чужих не измяв,
И своей не трогая.
Снег на моих висках —
Полноправный снег,
Вовремя выпавший, прикативший
Неизменной своей дорогою.

Перед календарем

Листаю «завтра», листаю «вчера» —
Черные даты, красные...
Неизвестно, чья ведется игра,
Но эта игра – опасная.
Математика солнца, луны и звезд,
Чьи-то формулы, числа, знаки.
Когда ты голоден, гол и бос —
Тебя не терзают страхи.
Листаю «завтра», листаю «вчера» —
Даты, явления, свойства...
Во все века опасна пора
Сытости и довольства.

Зима, – 40°С

Что ты хочешь, дикая,
Странная зима?
С яростью великою
Ты пришла в дома.
Трубы отопления с треском прорвала,
Кактусу-растению
Корни обожгла.
Ты о чем напомнить нам
Хочешь, отвечай! —
Нам, стабильным, комнатным,
Кипятящим чай.
С нашим днем размеренным,
С кошкой на тахте,
Полностью уверенной
В нашей правоте.
Что ты тут заметила
Для худой молвы?
И зима ответила:
– То же, что и вы.

«Трезвонь, моя ласточка, в колокол неба трезвонь...»

Трезвонь, моя ласточка, в колокол неба трезвонь.
Горит над холмами последнего солнца огонь.
Не ты ли накликала позднюю эту зарю?
Не я ли с землею псалмами сейчас говорю?
Зачем тебе вечером вздумалось плакать и петь?
Дано ли сгореть нам? Дано ли беду претерпеть?
Трезвонь, моя ласточка, в колокол солнца трезвонь.
В полнеба над нами горит – не сгорает огонь.

Огонь

За огнем нужен глаз да глаз.
(Г. Петров)

Он лижет темноту,
Сырую осень пьет,
И, рыжий брат коту,
Мурлычет, словно кот.
На детский смех и шум
Зови его в дома,
От одиноких дум
Не дай сойти с ума.
Чтоб дров никто другой
Не наломал ему,
Чтоб он не стал слугой
Недоброму уму.

* * *

«Стали травы невмочь опасны...»

Стали травы невмочь опасны
Блесткой крупчатого стекла.
Сухостоя пожаром красным
Небо выжжено добела.
Глинозём под ногой коричневым
От окалины торфяной,
И прогорклый туман столичный
Неотступно спешит за мной.
Что с тобою, земля родная,
Шестикрылый мой серафим?
Что не греешь меня, стена,
Пухом выщипленным своим?
И, наохлившись сиротливо,
Отходную мне не поёшь...
От меня ли, седой, как ива,
Запоздалой подмоги ждешь?

«Из вечерних газет, с голубого экрана...»

Из вечерних газет, с голубого экрана,
Из эфира – на долгих и кратких волнах —
Узнаем мы про смерчи и про ураганы,
И про то, что ничья это, в общем, вина.

Никого о беде не допросят с пристрастьем,
Потому что стихийная это беда:
Просто чье-то красивое умерло счастье,
И не будет возмездья тому и суда.

Может, все же подумаем вместе, дружище,
Почему нам и небо, и ветер – враги?
Может, слишком недорого платим за пищу?
Слишком легкие носим с тобой сапоги?

Может, времени жалко пуститься в дорогу
И руками чужую беду развести?
Почему мы не рвемся, скажи, на подмогу?
Почему не хотим и не можем спасти?

Где тот час, охладивший и сердце, и разум?
Затянулся привал на дорогах каких?
И каким дезертирским, предательским лазом

Улизнули мы от назначений людских?

Это место и час мы прохлопали, что ли?

Паралич неотступен – кричи, не кричи...

Кто спасет нас теперь от недуга безволя,

От удушья, какого не лечат врачи?

И безмолвствует совесть, и тратится время

На досужих теорий мечтательный хлам.

Да неужто мы вышли не теми, не теми,

Кем замыслил нас Доброжелательный к нам?

Совесть

Мой маленький солдат с повадкой командира,
Придирчивый, как черт, заносчивый, как нож,
Молитвами моей отчаявшейся лиры
Из мертвых воскрешен, ты под боком живешь.

Когда-то был в строю ты первым забиякой —
В строю моих надежд, отваги и добра.
Залёгших под огнем ты подымал в атаку,
И крепости с тобой мы брали на ура.

Проклятье той шальной, изверившейся пуле
У некой высоты, где шел неравный бой,
Где все мои стихи в почетном карауле,
Бездейственно скорбя, застыли над тобой.

Не я с тех пор в боях, не я в окопах мерзлых.
Грустнея день за днем живу, полужива...
Стихи мои ползут на медленных полозьях,
Под снегом седины дубеет голова.

Мой маленький солдат, ты ожил наконец-то!
Но как твое лицо жестоко и темно.
Берешь ты на прицел мое больное сердце,
Разбойником лесным стучишь в мое окно.

Ты бродишь вокруг меня звериными тропами,
И вот уж я костер охранный развожу...
Что может быть страшней, когда возьмется память
Расстреливать покой, которым дорожу?

И все ж не уходи, моя живая совесть.
В обличии любом броди невдалеке...
Гони меня вперед, пускай в снегу по пояс,
От вечной немоты пускай на волоске.

Памяти Аттилы Йожефа

1

Есть боль, с которой человек не может
Добром покончить и остаться добрым.
Я не нашла твоей могилы, Йожеф,
Не прочитала надписи надгробной.
Пойду направо – опускают ветви
Шуршащую завесу листопада.
Пойду налево – ослепляют светом
Серебряные луны винограда.
Меня вязало кружево акаций, —
Едва порву его тугие узы,
Как мне велит подальше убираться
Внушительный початок кукурузы...
А может, это ты вселился, Йожеф,
В зерно початка, в гроздь винограда
И говоришь мне ласково: – Не можешь
Меня найти? Не можешь – и не надо!
Ты столько раз меня звала на помощь,
И совершалось воскрешенья чудо, —
Не запирай дверей сегодня в полночь...
А здесь я только прах. Ступай отсюда!

Была веселость твоя бродягой,
Такой неграмотной и беспечной...
Ты ей совал подписать бумагу —
Мол, буду, милый, с тобою вечно.
Свой крестик ставя на слове пышном,
Она глядела с немым вопросом
И вдруг становилась вином прокисшим
И отсыревшей папиросой.
Тогда отпускал ты ее со вздохом,
В худых сандалях, с пустой котомкой...
И люди к тебе относились плохо,
Считая, что ты их подводишь в чем-то.
А ты печаль принимал в объятия,
Чтоб с нею об руку в поле выйти,
Где поделить не умели братья
Клочка земли без кровопролитья,
Где выли тощие оголтело,
Усмешки жирных не замечая,
И там пытался исправить дело
Жестоким словом своей печали.
И если тебе удавалось это,
Звенел в лесах соловьиный голос, —
И это с дальнего края света
К тебе бежала твоя веселость.
Твоя наивная, молодая,

С пустой котомкой, в худых сандалях,
Повинным сердцем не осуждая
За то, что дружбу водил с печалью.

3

Где спорит в потемках с горою гора,
Формует алмазы земная кора.
Неравные камни лежат в глубине,
Различны по сорту они и цене.
Одни в абразивный спрессуются круг,
Другие украсят запястия рук,
А третьи – внушительной величины —
Заполнят секретные сейфы казны.
Исчислено, взвешено и учтено,
Народы алмазное кормит зерно.
Но редко, быть может в столетие раз,
Являет земля уникальный алмаз:
Глядят из высокой его глубины
Могущество солнца и скромность луны.
Об этих алмазах – легенд ворожба,
Неровен их час и неожиданна судьба.
Не смеют их женщины видеть во сне,
Страшится правитель их числить в казне.
Не знают они ни цены, ни границ.
Пред ними служители падают ниц,
Когда расщепляет сгустившийся мрак

Священного камня всевидящий зрак.
Бегут они прочь от запретов табу,
На миг возгорятся у Будды во лбу,
И вновь исчезают и светятся вновь
Сквозь пепел надежд и преступную кровь.
Талант, осветленный глубинным огнем,
Я знаю о нем и не знаю о нем,
Увижу – зажмурюсь – не мне по плечу
Мечтою к его прикоснуться лучу.
И вы, властолюбцы, уймьтесь! Не вам
Рассудком к его прикоснуться правам!

«О, это шараханье зала из крайности в крайность...»

Памяти академика А. Д. Сахарова

О, это шараханье зала из крайности в крайность...
Когда на трибуну восходит картавый чудак,
Поймешь ли, правитель, что судит тебя гениальность
В осмеянной скорби своих безоружных атак?!

Молчаливый патруль

Радостей ближнего не уворуй,
Дом не спали.
Ходит в ночи молчаливый патруль —
Совість Земли.
Нет у нее ни кола, ни двора,
Негде присесть.
Пусть одинока она и стара —
Все-таки есть.

Давнишний кто-то ее породил —
Может быть, Бог.
И на молчание благословил
Или обрек.
Не декламирует выпрєнных фраз,
В дверь не стучит.
Просто не сводит внимательных глаз,
Просто молчит.

Ты различишь ее по волосам
Цвета луны.
За день минувший прибавил ты сам
Ей седины.
Ходит во мраке седой эталон,
Ходит века.
Что ей, бессмертной, бразды и закон

Временщика?

Если поверишь в красивую ложь
Властных и злых,
Если на лютую казнь поведешь
Братьев своих,
Чистой слезою загасит, зальет
Смрадный огонь.
Голой рукою клинок отведет,
Ранив ладонь.

Кто там безгорестно пьет и жует,
Гордый собой?
Слышишь, молчание в колокол бьет,
Воеет трубой?
Радостей ближнего не уворуй,
Дом не спали.
Ходит в ночи молчаливый патруль —
Совесть Земли.

Вторая сторона вещей

Не из отеческих советов,
Не из начальственных речей
Она придет к тебе, вот эта
Вторая сторона вещей.
В бессонный час недоумений,
Когда раздумья вкось и вкривь,
Она возникнет – тень из тени, —
Часы рукой остановив,
И скажет ласково: «Не глупо ль,
Что славы сторонился ты,
Она всего лишь гулкий рупор
Твоей чуть слышной правоты.
Ты думал жизнь переиначить,
На деньги глядя свысока,
А будь хоть малость ты богаче,
Была б щедрей твоя рука.
Терпенья мудрого чуждалась
Твоя душа в тенётах бед,
И вот досрочная усталость
Переломила твой хребет.
Твоя убогая надменность!
Трезвон речей, картон мечей!»
Ну что ж, честна и откровенна
Вторая сторона вещей.
Она несет свои заботы,

Как безупречная жена,
И если вдруг истлеет что-то,
Так это не ее вина.

А ты гляди, приятель, в оба,
Чтоб желтой горсточкой трухи
Не стали дерзости Ван Гога,
Да Винчи смертные грехи,
Вийона хохот вездесущий
У камня монастырских стен
И Сольвейг, ждущей и поющей,
Седые косы до колен.

Гляди, чтобы к твоим услугам
Не оказался щедрый дом,
Где станет недруг полудругом
И станет друг полуврагом,
И где лишь томик Дон-Кихота,
Уже ненужный и ничей,
Еще кричит во гневе что-то
О третьей стороне вещей.

Откровенность

Подвожу я тебя к штурвалу,
Присягаю тебе на верность.
Перед встречей с девятым валом
Приношу тебе откровенность.

У меня ослабли границы
Меж любовью и нелюбовью,
Мой характер крутой кренится
К словоблудью и своеволью.

Я сорвала фанфарный голос,
Причитая над целым светом,
Ум короткий и долгий волос
Скоро будут моей приметой.

Мой работный запал опутан
Размышленья веревкой длинной,
Как утопленники, минуты
По житейским плывут стремнинам.

И доподлинно мне известно, —
Разбуди – повторю спросонок, —
Как страшиться волны отвесной,
Как таиться в нейтральных зонах,

И не в здравом уме, а в страхе
Ополчаться на цитадели,
Лобовые вести атаки,
Погибать, не достигнув цели.

Эту исповедь ты осмысли,
Но не будет тебе прощенья,
Коль посмеешь ее причислить
К корабельному оснащенью.

Присягаю тебе на верность.
Курс известен, и цель известна.
Пусть горит моя откровенность,
Как маяк над опасным местом.

Осушение болот

Болотных растений
Очерк резной.
Блестит неньюфара,
Как чаша с луной,
Колеблется тины
Тёплая сонь —
Там бабка-болотница
Теплит огонь.

Но не вдалеке
Из цементной трубы
Змеится песок
И встает на дыбы.
И в темном кустарнике
Бродит сама
Извечная ссора
Души и ума.

Совет дочери

Возьми росу с фиалковой тропы,
Сседи в нее по капле яд пчелиный,
Потом лекарственную кровь малины —
И спиртом муравьиным укрепи,
Пыльцою мотыльковой подсласти —
И выйдет замечательный напиток.
Но бойся эту влагу развести
Холодной осторожностью улиток.

Материнский сонет

На взрослую ты рассердилась дочь,
Что перестала доверяться маме.
За окнами ворочается ночь
Бессонными тенями и огнями. —

А дома нет девчонки... В чьем саду
От матери отдельно существует?
О ком грустит? Кому несет беду?
Кому надежды-радости дарует?

Вот так художник, может быть, глядит
В ревнивом страхе на свое творенье:
Послушное его прикосновенью,
Еще вчера оно меняло вид,

А нынче, не спросившись у него,
Вершит свое земное волшебство.

«Какую муть несет в себе вода...»

Какую муть несет в себе вода,
Смывая с берегов зеленоглазых!
А вот куски расколотого льда
Чисты и непорочны, как алмазы.
Опять, опять позвякивает медь
Молитв и клятв, произнесенных всеу.
Неплохо б языку оледенеть,
Сокровища словес кристаллизуя.

Скучная ссора с дочерью

Верю, верю, верю!

Верь и

Запирай надежно двери

От приятелей своих,

От кичливости словесной,

От судьбы

уже!

безвестной,

Ибо скучный лик – безлик.

«Крупнозначных купюр не оставлю в наследство —...»

Крупнозначных купюр не оставлю в наследство —
Материнский невыгоден труд.
Иссякая и вновь возвращаясь, как детство,
Облака надо мною плывут.
Обнажается почва в коричневых листьях,
Пахнет прелью с холмов и низин,
И не держит подснежник в коротеньких мыслях
Ни вчерашних, ни завтрашних зим.
Скоро дождь, раззолоченный солнцем, прольется
Обещанием добрых вестей, —
И ни больше, ни меньше – чем жизнь остается
После всех материнских смертей.

«Погода стоит серенькая, мохнатая...»

Погода стоит серенькая, мохнатая,
Теплая, как пух малыша воробышка.
Шагом идут облака,
Пушистые, как сытая овчарка,
Сопровождающая своего хозяина —
Белое, расплывчатое солнце осени.
То обгоняют они его, то заслоняют,
Спокойно зная, что оно есть и будет,
Что бы ни случилось завтра.
И если даже цепкая сырость
Схватит к вечеру еще зеленые листья кустов,
А ночью станет туманной изморозью,
Все равно поутру изойдет усталый кустарник
Теплым паром земли.

Знай и ты, мой дружок,
Мой опечаленный ссорой со мной,
Что будет так и с душой твоей чуткой.
Верь и люби свое солнышко.

* * *

«Плохо ли нам с тобой, хорошо ль...»

Плохо ли нам с тобой, хорошо ль —
Это уже не важно.
В сердце тишком заползает боль
От лестниц многоэтажных.
Уже не тратимся на пустяки
Горько или счастливо.
Из русла мелеющего реки
Воду пьем бережливо.
Но что страшнее, чем впереди
Видеть не поле брани,
А только датчики на груди
И ямы в кардиограмме?
И, обезумевши, для ума
Искать победнее пищу...
Неотвратимо идет зима, —
Давай-ка с тобой поищем
Тех прошлых зим, где восторг и гнев,
Тех белых снегов на Волге, —
И, может быть, сердце, не доболев,
Бесстрашно и сладко смолкнет.

«Сиреневый в небе закат...»

Сиреневый в небе закат.
Тепла от такого не требуй.
Но сад – он пока еще сад,
Лицо запрокинувший к небу.
Рябиновый цвет сентября,
Сорок чёрно-белые перья,
И дышат деревья, творя
Молитву любви и доверья.

Вот так бы и мне до конца
С любовью дружить неразумно,
Терпеть, не меняя лица,
Знобящий сиреневый сумрак,
Конец золотого пути
Бесплодной слезой не ускорить
И все, что от неба, снести,
И что от тебя – не оспорить.

«В блеске инея, в треске веток...»

В блеске инея, в треске веток,
В жажде власти над всем живым
Мчится заморозок рассвета —
Бледный всадник без головы.

Ничего-то ему не надо
В мире слякотном и кривом —
Опахнуть бы деревья сада
Легким призрачным рукавом.

Испугать бы дыханьем стужи
Самый красный, задорный клен,
Да чтоб синий глазочек лужи
Был бы наглухо застеклен.

И ни роздыха, ни отбоя
Той тревоге воздушной нет.
Да неужто же нам с тобою
Предстоит и такой рассвет?

Рассмеется пустое эхо
Над умнейшею суетой.
Кто-то властный придет помехой
Нашей осени золотой.

С тихим звоном взлетит на воздух
Листьев пляшущих кутерьма.
Что ж, прими этот день морозный
И не жмурься. Идет зима.

«Вести бьют по сердцу вхолостую...»

Вести бьют по сердцу вхолостую.
Снадобье глотаешь, да впустую.
Силушка твоя вконец иссякла.
Дождик над тобой – и тот по капле.
Померла бы, слез не проливая,
Кабы не изба твоя живая.
Все бы ей, чудной, возиться с печью,
Тратиться на воблу да на свечи.
Так уж ей неможется, кряхтитя,
Так ведь нет – надеется, крепится:
Может, гостя-странника дождетя,
Может, дать ночлег ему придетя.
Ужин, хоть какой-нибудь, да справишь,
На дожде за дверью не оставишь.

На псковщине

Под тёмными шапками сосен
Червонных кустов монолит.
Какая великая осень
Над этим поселком стоит.

Эй ты, деловитый и быстрый,
Хоть самую малость постой
Над этой внезапной, как выстрел,
Сводящей с ума пестротой.

И если грустишь, позавидуй
Природе в багряном венце —
Ни горькой вражды, ни обиды
На замкнутом этом лице.

Лишь чьи-то шаги, как страницы,
По тропам лесным шелестят,
Да птицы, бессмертные птицы,
Над тихим поселком летят.

«Пожухлая, неспелая...»

Пожухлая, неспелая,
Редееет в поле рожь.
Погода неумелая,
Непроходимый дождь.

Ослепли окна мутные
От скудного тепла,
Синеют стопки утлые
Дешёвого стекла.

Живу, побита ливнями,
Как поздняя трава,
Надеждами наивными
Пред веком неправа.
Авось, не всё растрчено,
Авось, не все – враги.
За пасмурными дачами
Торопятся шаги.
Встречаю всех, кто выбрался
Погодой проливной,
Кто как-никак да выбрился
К свиданию со мной.
Некрашеную, бурую
Калитку отворю.
Философу хануromу

– Ну, здравствуй! – говорю.

«Разгул огня. Нашествие воды...»

Разгул огня. Нашествие воды.
Ледник, обвал торопятся по следу.
Что все твои надуманные беды
Перед приходом истинной беды?
Подземная ли сила покачнет
Скорлупку-землю, прогневится ль море —
Что перед этим глупенькое горе
Твое, который дышит и живет!
Воскресным днем простершись на траве,
Прислушайся к земле, взгляни на тучи —
Уразумей, что пыль на рукаве —
И та в беде в сто крат, чем ты, живучей.
Так почему кричишь погожим днем
О том, что жизнь твоя непоправима?
Еще подземный не ударил гром,
И спят моря. И тучи ходят мимо.

«Все просишь пониманья...»

Все просишь пониманья,
Недобр и невезуч,
Скуласты очертанья
Невыплаканных туч.

Трескучие зарницы,
Несжатые хлеба,
Ромашки круглолицей
Пустая ворожба.

Дрожит ивняк лиловый
В ознобинах коры...
Со мною, бестолковой,
Что в гору, что с горы.

Уйти, не беспокоясь,
Рассудок мне велит,
И только ночью совесть
Все плачет, все болит.

Колюча и безвредна
Сосновая хвоя.
Прости меня, мой бедный,
Ознобина моя...

«Пристани выщербленный помост...»

Пристани выщербленный помост,
Отсвет воды белёсой.
Сердце мое – не спасательный пост,
Руки мои – не вёсла.
Гонит прилив за волной волну,
Мостик шатая хрупкий.
Месяц ущербный прирос ко дну,
Как затонувшая шлюпка.

Торжество реакции

Реакционной стала я, как память,
Как обелиск, что высится, не прячась.
Держу за пазухой замшелый камень
На вашу лупоглазую незрячесть.
Когда вы мне кричите желторото
Про ваше несогласье и неверье, —
Не лезу ни в какие я ворота,
На семь замков я замыкаю двери.
Подите прочь вы с вашим фанфаронством,
С тепличной болтовнею про свободу,
И с вашим газированным пижонством,
Мутящим необстрелянную воду.
Из дому, чья добротность вам постыла,
Гляжу в дыру, оставшуюся с фронта,
Как чья-то цементируется сила,
Как ползает огонь по горизонту.
Невидимо для ваших слабых нервов,
Для ваших истонченных интеллектов,
Как медленно, как медленно и верно
Густеет нечто, возникает нечто...
Для ваших петушиных перекличек
Не та погода на земле горбатой.
Да будет ваш язык категоричен,
Дубовы лбы и нервы сучковаты...
Пусть даже так – оно прочней и проще,

Пусть лучше так – оно не даст сломиться,
Когда гроза тысячетонной мощи
На гусеницы встанет у границы,
Когда прольется лава на проспекты,
Зашарканные вашими ногами...
Ох, танки не блистают интеллектом,
Карманными не звякают деньгами.
Примазаться бы к вашим мне затеям,
Играть в пиротехнические войны, —
Оно и прогрессивней, и левее,
Оно и равнодушной, и спокойней.
А я вас поношу в поту холодном
Солеными и горькими словами
И, чучелом вздыхая огородным,
Пустыми трепыхаюсь рукавами.

Псков

Утратил город прежние красоты,
Но, поелику не ушел от дел,
Он задал реставраторам работу
И, вроде бы, опять помолодел.

Брансбойтом моют крепостные стены,
И отдан храм комиссиям на суд,
Но появилось что-то от измены,
И от раскола появилось тут.

Не потому ли, к ночи неспокоен,
На церкви той, что с веком не в ладу,
Царь-колокол, в шелом одетый воин,
Болтает чушь и мечется с бреду.

Двоевластие

В который раз с собой наедине
Не отличу отчала от причала:
Событья ли рождаются во мне,
Или сама беру от них начало?

Учебник открываю наобум,
Раздумчиво читаю: «Двоевластье».
Не от моих ли беспризорных дум
Твои, Россия, странности и страсти?
Заносчивая прыть временщика
Во мне живет ораторством горластым,
А рядом та безвольная тоска,
Которая пороку сопричастна.
Изобретаю громкие слова,
Надежды ненадёжные внушаю,
Но как болит утрами голова
И прядает пугливыми ушами!..
В ней помыслы нежданны, как напасть,
Нелепы и бесформенны, как рухлядь...
О, где ж во мне единственная власть,
Единая, которая не рухнет?
Упроченная горькой маетой,
Для всех, но не для всякого родная,
Что, кроме справедливости святой,
Другого честолюбия не знает?

Когда ж она расправится во мне
И с «правыми», и с «левыми» грехами?
И скоро ли к нервной суетне
Притронется спокойными руками?
Быстрее ли всех мой мечущийся бег?
Кривее, что ли, всех моя кривая?
Бесплодно сердце «юное навек»,
Которое никак не вызревает!

«Я помню школу и над головой...»

Я помню школу и над головой
Его портрет в дешевой рамке алой.
Учитель говорил, что он живой
И что дорогу к счастью указал он.
И мы, богаты детской слепотой,
Вполне довольны счастьем понаслышке,
Шли по дороге, той или не той —
Откуда знать девчонкам и мальчишкам.
Нам дали радость, как дают букварь.
Купив тетрадь в линейку или в клетку,
Что будет впредь и что бывало встарь —
Мы вывели по буквам – на отметку...
Потом, словами вырванных цитат,
Шпаргалки глубже в рукава запрятав,
Мы отвечали трудный диамат
И путались в событиях и датах.
Испытанным в боях чужим умом
Мы кое-как прожили четверть жизни,
Правы безоговорочно в одном —
Что есть у нас отцы и есть отчизна.
А коммунизм? А коммунизм найдешь
В конце пути заслуженным подарком.
Все говорят, на солнце он похож...
Похож и впрямь – бесформенный и яркий...
Нет, не упрек, нам некого винить

В том, что к раздумью не было охоты.
Одна печаль умеет породнить
С грозой сердце, а мечту с полетом.

* * *

«Как спорил он с Лениным, кто бы послушал...»

*Посвящается русскому инженеру
П. И. Пальчинскому*

Как спорил он с Лениным, кто бы послушал,
Уралец, плешивый старик-инженер!
Не то, чтоб вытряхивал душу-кликушу,
А знать не хотел большевистских химер.
Твердил, что в России нехватка металла,
Мол, на руку ваш пролетарий нечист,
Мол, нужен хороший хозяин Уралу,
И не забулдыга, а капиталист.
Он весь был упрямством, дубовым, огромным,
Чудак с немигающим взглядом совы,
Но молча стояли холодные домны
На страже плешивой его головы.
Ни акций, ни денег, что в банк иностранный
Иной от коммуны припрятал бы в рост...
И Ленин, пожившись зябко и странно,
Поставил его на ответственный пост.
И стал тот плешивый от света до света
Глазастой совой по Уралу кружить.
К Советам ходить не желал за советом,
Но стало Советам спокойнее жить.

Над донами жарко и красно высотам...
Когда же бессудно он канул во тьму,
Мне горы шепнули: – Он был патриотом.
На скальной тропе, на крутых поворотах
Не дай опрокинуться слову тому.

«Прости ты меня, супостат бородатый...»

Прости ты меня, супостат бородатый,
Поборник штанов из вельвета,
Что хлебом и солью всего и богата,
Что в латаный ватник одета.
Все спорю с твоею надменностью утлой,
Все хвастаю каской трофейной,
Но пусто обоим и праздно, как будто
Идем полосою ничейной.
Какой там безветренный лес за кустами?
Затишье и лжет, и тревожит.
Пророк ли глаголет моими устами,
Слепец ли клянет бездорожье?

И кто я такая, чтоб тропкою муки
Водить несмышленное счастье?
Цвета заревые, фанфарные звуки,
Быть может, как я, преходящи.

Все тщусь приманить то салютом победы,
То подвигом рыцарских странствий, —
Я, ржавый осколок боев и разведок,
Я, шпала тайги туруханской.

Прости, что живу виноватой, вчерашней,
Проклятой в десятых коленах,
Запомни лишь голос мой, сломанный кашлем,
Лишь руки в заштопанных венах.

Когда же назначит нам время разлуку,
Приди к неусыпному камню.
Здесь вся моя правда без цвета и звука
Лежит под крестом православным.

А в дом мой заглянешь, грозой приневолен,
Раскаяньем сердца не мучай.
Оставлен здесь хлеб со щепоткою соли
И латаный ватник на случай.

* * *

«Кто и за что накликать мне беду...»

Кто и за что накликать мне беду
Идти бок о бок с новым поколеньем?
Его ни деспот не имел в виду,
Ни вольнолюбец, ни глупец, ни гений.

Когда в объятьях золотого сна
Мы возводили призрачное зданье —
Была нам свыше истина дана
В ее монументальном очертанье.

Мы жили ею. Никакой другой
Над крепким сердцем не давали власти,
И были в том свобода и покой,
Неведенья младенческое счастье.

Так на какой же прах, пожар и тлен
Ту истину замуровали в стену?
И ничего обманного взамен,
И никого великого на смену?

Кто исцелит ослабленных сердец
Кривое кровотоочное биенье?
Какой придет беспамятный конец
Исканьям молодого поколенья?

Куда идти, раздетым догола?
Темна тропа и, что ни шаг – тернистей.
Крутой и лживой истина была,
Но будь он проклят, этот век без истин!

* * *

«Вседневных отрицаний хлам...»

Вседневных отрицаний хлам
У злости на подхвате,
Для положительных программ
Уже ума не хватит.
Уже срывается на крик
Пророческая лира,
И мир, что раньше был велик,
Зовется бранным миром.
Любовь – пылинка на ветру,
Разлука беспечальна.
Уже в товарищи беру
Попутчиков случайных.
И в неразборчивой брехне
В кафе, за рюмкой водки,
Сужу о мире и войне,
Как о метеосводке.
Какому братству я родня?
Какие славлю даты?
Не слушай, молодость, меня,
Потупясь виновато.
Не верь морщинистому лбу
И гимнастерке в дырах,
А верь уродскому горбу,
Что за плечами вырос.
Седая утлая волна

Еще стучит в камень,
Но сколько стоит седина
Банкротных поколений?
Что было, сплыло за гроши,
Что пелось – отзвучало.
Большой корабль не сокруши
На мелях у причала.

* * *

«Юнец колючий, дурно воспитанный...»

Юнец колючий, дурно воспитанный,
Горькой любви жнивье,
Войной и голодом не испытанный,
Да святится имя твоё!
Руки к женщине простирающий,
Канувший в слепоту,
Алчущий, плачущий, угрожающий,
Выбравший, да не ту...
Теплишь в сердце моем встревоженном
Сторожевой огонь.
Песня моя, словно конь стреноженный,
Хмурый, бескрылый конь.
Нет у меня ни судьбы, ни удали,
Чтобы тебя спасти.
Думушкой долго с тобою буду ли?
Сникну ль на полпути?
Выпьем ли поровну чашу горестей,
Полную до краёв?
Последняя вспышка недужной совести,
Да святится имя твоё!

«Ночи белые мутней, чем обычно...»

Ночи белые мутней, чем обычно,
В небесах ни серебра, ни огня,
Но не молкнет соловьев переключка,
Для меня они поют, для меня.
Не прошу я никого заступиться,
Всех рачителей гоню со двора.
Так зачем же вы, настырные птицы,
Опекаете меня до утра?
И на что мне ваша спесь молодая,
Ваш свободный нерифмованный стих?
Зарастает трын-травой, пропадая,
Буйный сад воспоминаний моих.
Ни имен уже, ни лиц не припомню,
Перепутаны все даты разлук,
Кто там скромный был со мной, кто нескромный,
Кто предавший, кто отвергнутый друг?
Уходила от кого без печали?
С кем обуглила надежды дотла?
Продырявленной цыганскою шалью
Плещет по ветру седая ветла.
Ох, за всё я заплатила сторицей...
Отступитесь, певуны, от меня!
Но упорствуют великие птицы,
Греховодницу ни в чём не вина.
Всё взывают к чудодейному Богу,

В сотни дудок вереща и трубя.

Ты ли, молодость, идешь на подмогу,

Даже к тем, кто отпевает тебя?

«В ЭТОТ БЛАГОСТНЫЙ ДЕНЬ ВЫХОЖУ, КАК ЦАРИЦА ИЗ ДОМА...»

В этот благодный день выхожу, как царица из дома.
Видишь, солнца венец воспарил над моей головой?
Не хватает мне только грозы колокольного грома
И ковровой дорожки, унизанной первой травой.
Эти ранние вёсны – земли обнажённое диво,
Это горло нагое и слёзы, что не солёны...
Не хандри надо мною – становится снова красивым
То больное животное, что доживёт до весны.
Даже ёлки, смотри, отрастили мягчайшую хвою,
Остробокые льдины тепло обтесала вода.
А ещё – никому не скажи, что была не такою,
Ибо зимним погодам людского не надо суда.

Черемуха

Это кем-то спокойным и мудрым придумано,
Чтобы в пору апрельского таянья льдов
Белоснежное дерево пряно и шумно
Расцветало, не веря в приход холодов.

Это все же весна, что бы ни было завтра,
Это честный замах молодого крыла.
Ну, зачем возвратились вы с вашей неправдой,
Мерзлых луж искажающие зеркала?

В этих буйных цветах предсказанье без промаха,
В них уверенность сердца и трезвость ума...
Постучись мне, пожалуйста, в окна, черемуха,
Если кто-то сболтнет, что вернулась зима.

Дай мне дерзость бежать по незваному снегу
Без пальто в голубые, как море, поля,
Дай мне радость сказать одному человеку,
Что его не обидят ни Бог, ни земля!

Как старинно он смотрит на угли печные,
Зябко ёжась, едва отворяется дверь;
Навалилась на плечи его отставные
Непрощенная тяжесть обид и потерь;
И когда запоздалая туча нетвердо

Прогрохочет поверх непокрытых голов,
Что мне делать с улыбкой его полумертвой,
С этой горькою неоткровенностью слов?
И не нужно ему ни влюбленного взгляда,
Ни подмоги друзей, ни дочерней любви...
О древесное воинство белого сада,
Подоспели бы вовремя силы твои!
Это всё же весна – что бы там ни случилось,
Это – северный ветер в силках у ветвей,
Это – солнце, что пасмурным снегом умылось,
Направляясь в зенит по орбите своей.

Черемуха

Рассвет был светло-голубым,
Потом огнисто-алым,
А белый куст родился с ним,
И тоже цвет менял он.
И узкий серп сухой луны,
Еще страды не зная,
В прохладе праздной тишины,
В просветах ночи таял.
Цвела черемуха, цвела
То голубым, то алым
И чистым посвистом крыла,
Как птица, оевала.
И не было еще весны,
Был холод ниоткуда,
Но этот цвет, как сталь струны,
Звучал и жаждал чуда.

«Пускай еще и зорька не красна...»

Пускай еще и зорька не красна,
В ночной траве туман и запах тины,
Еще гора пугает тенью длинной,
Но бледной птицей сделалась луна.
В сарае вздорный кочет прокричал,
И вечных сосен шевельнулись ветви...
Не спи, не спи! Не пропусти начал.
Они еще не каждому заметны.

Сказка про Ермака

За Урал от гнева государева
Уходил ослушливый казак.
За спиною – ночь в багряном зареве,
Да застенков смрадных полумрак;
За спиной – свирепый лик опричника,
Да оскал собачьей головы...
Путь же будут царскому обидчику
Все дороги поровну милы.
Широка земля, да не обыскана,
И повсюду сини небеса!
Всё, что он не выплакал, не высказал,
Схоронят дремучие леса.
Сколько тропок исходили ноженьки,
Сколько слабых вырастил в бойцов...
Докрасна пургою проморожено
Атамана белое лицо.
Любо тешить силу богатырскую,
Самострел похлестче каюков!
Обагрилася земля сибирская
Неповинной кровью остяков.
Догорели розовые верески,
Желтым пеплом землю пороша,
Хрупкий месяц разлетелся вдребезги
На тяжелой влаге Иртыша.
Ночь стекает стылая и нежная

Росами на кудри Ермака...
Только отчего траву прибрежную
Судорожно комкает рука?
Ой ты, дума-думушка бессонная,
Что никак не уйдешь из головы?
Или не укрыла ночь темная
Золотые маковки Москвы?
Или в мутной поволоке ладана,
В потаенной келии Кремля
Озарился светом неразгаданным
Желтый профиль грозного царя?
Пусть тебе, угрюмому воителю
С копьевидным посохом в руках
Будет самой верною обителью
Огненное сердце Ермака —
К рабскому молчанью непривычное,
Раненное тайною борьбой,
Насмерть оскорбленное опричниной,
Навек полоненное тобой...
За мечты, за помыслы крылатые,
За твои кипучие труды,
За холмы казанские, примятые
Грузным телом рухнувшей орды,
За твои печали несказанные,
За Москву, раздавшуюся вширь —
Мало тебе сердца атаманова,
Так в придачу получай Сибирь!
Ратный подвиг, тяготы походные
Кинь рукою царской на весы!

Бьет челом разбойник верноподданный
Государю матушки-Руси!
Атаман не спит. В шатрах просмоленных
Отдыхают ратники-друзья.
Над кучумским царством обездоленным
С пеплом перемешана заря.
Эй, казак, разбойник верноподданный!
Что наморщил ломаную бровь?
Иль напрасно пролита и продана
Диких братьев праведная кровь?
Или по холопскому радению,
По незрячей подлости твоей
Ты несешь на горе поколениям
Черный пух бесценных соболей?
Неспроста ознобы да бессонница,
Чует сердце вешнее беду...
Может, земляка задонской вольницы
В эту полночь к лобному ведут?
Может быть, кляня житье постылое,
Где-то на распутье большака
Взвыл мужик над мертвою кобылою
С обручами голода в боках?
Отступитесь, летописцы строгие!
Пыль веков ложится на весы...
Времена великие, жестокие.
Свет и мрак. Рождение Руси.
Задремал Ермак. В морщины горькие
Улеглась раздумчивая тишь.
Топкими низинами да взгорьями

Катит волны светлые Иртыш.
И в осколках лунного сияния
В выветренном камне у реки
Мнится атаману очертание
Невесомой девичьей руки.
Прикоснулась к травам опаленным
Холодком лесного родника,
Заискрились глаза зеленые,
Узкие, как листья тальника...
Поднялась полунощная девица,
Как царевна, властна и мила,
Кружевной летучею метелицей
Золотые косы убрала.
А земля под ноженьками плавится
И вздымает огненную пыль...
– Как тебя зовут, моя красавица?
И она ответила: – Сибирь!
И тогда утихли ветры гневные,
Заплясали в топях огоньки,
Заиграли гусями подземными
Рудоносных залежей пески,
Покачнулись недра, разогретые
Узорчатой глыбою угля,
И пошла рядится самоцветами
Свой секрет открывшая земля.
Загудел Иртыш застольной здравицей
Песню богатырскую свою.
И тогда спросил Ермак красавицу:
– Любишь ли? – и услышал: – Люблю!

Все исчезло. Только зорька алая
Пляшет между вымытых камней.
А за лесом всадники усталые
Расседлали взмыленных коней.
Знойный день по небу разливается,
Смоляная чаща горяча.
На таежном солнце тихо плавится
С соболиной выпушкой парча.
И от строк пергамента нетленного
Охмелело сердце без вина,
И царевой милостью надменной
Вырезные дышат письма...
Что ж, казак, разбойник верноподданный,
Снова морщишь ломаную бровь!?
Иль опять душа твоя народная
Не помирит злобу и любовь?
За какую смертной червоточиной
Ты поедешь в белую Москву,
И какие сны в дареной вотчине
Казака задушат наяву?..

Я сию сегодня не над книгою —
Над высоким берегом реки.
Разбежались тайгою дикою
Приисковых точек городки.
И лежит окрест меня, одетая
Покрывалом озими густой,
Не земля – сокровище несметное,
Бархат на подкладке золотой.

Ей навек сдружиться с хлеборобами,
Пропитаться потом их трудов,
Чтоб сплелася Азия с Европою
Ветками раскидистых садов,
Ей рудой в высоких домнах плавиться,
Чтоб в броню оделася страна...

А вода гудит застольной здравицей,
Полднем золотым озарена.
Но секреты все повидав дочиста,
Тайну лишь одну хранит река:
Вот уж пятый век она не хочет нам
Рассказать про гибель Ермака.
И одно лишь солнце беспечальное,
Вековечной правдою дыша,
Всё рисует кольца обручальные
На водоворотах Иртыша.

(Конец 40-х годов)

«Итак, не поняла твоей красоты я...»

Итак, не поняла твоей красоты я,
Не выучила оканья твои,
Сермяжная, кондовая Россия,
Молочная сестра моей любви.

Не кланялась звезде твоей падучей,
Не плакала царевной в терему,
И не вняла в тоске моей дремучей
Языческому зову твоему.

Суди меня за дерзость и кощунство,
На песнь мою опалу наложи,
Надев старообрядческий шушун свой,
Неверием алтарь мой окружи.

Я обучалась плотницкому делу,
В гудящих доках у чужой воды,
Не убоявшись той, осатанелой,
Раскольничьей боярской бороды.

Читала вольнодумного Вольтера,
Пока из городского тупика
Запоминал лицо мое и веру
Тяжелый глаз жандармского шпика.

И в дни, когда на стыке всех историй
Учились пули разным языкам,
Мой пепел бухенвальдский крематорий
Размел по всем шести материкам.

И если сквозь оптические линзы
Глядел зрачок над пропастью во ржи,
Не дай ты мне, великая Отчизна,
Сусолить слюдяные витражи.

Старый рояль

А ты, как видно,
Душой не сник,
Умершей фирмы
Рояль-старик.
Хранит и прочность,
И оптимизм
Несовершенный
Твой механизм.
Давно уценка
Тебе дана,
Но старой мощью
Звенит струна,
И на пюпитре,
Здоров и жив,
Санкт-Петербурга
Опальный шифр.

Скажи-ка, сударь,
Чего ты ждешь?
Какой надеждою
Всё живешь?
Почто от сердца
Вручить мне рад
Твой дар бесценный
Глядеть назад?

А, может, знаешь,
Что вечно жив
В душе России
Опальный шифр:
Лорнет и веер,
Гербы карет,
И на Сенатской
Молчит каре,
Бряцание лиры
У невских вод,
И Черной речки
Разверстый лед...

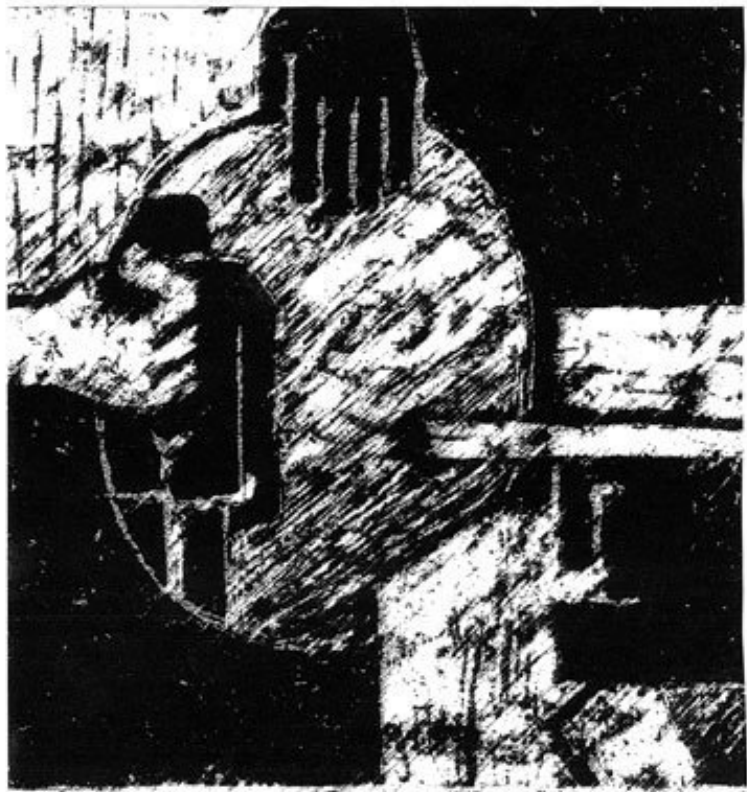
Париж, которого я не видала

Когда по ночам выхожу на Неву я
Рифмованно чувствовать лунную тишь,
Со мною по-мирному сосуществовая
На краешек строчки садится Париж.
На что он мне сдался, и что ему нужно?
Нам нечего, вроде, друг другу сказать...
Какую такую политику дружбы
Он хочет искусственно мне навязать?
Не просит ли он словоблудных интрижек,
Где пылкая близость случится с того,
Что я никогда не видала Парижа
И, ах! – никогда не увижу его?
Проваливай, слышишь? – на свой перепуток,
И радуйся, брат, что остался в живых,
Я слишком тупа для двусмысленных шуток
И слишком стара для твоих мостовых.
Верна дисциплине, работой негромкой
Живу обстоятельней день ото дня...
Откуда ты знаешь меня, незнакомку?
Зачем ты по имени кличешь меня?
Зачем запрокинуто к лунному свету
Твое молодое больное лицо?
И медленно бьется Нева в парапеты,
Свиваясь у ног в золотое кольцо.
Когда мы слюбились и где распростились,

Мой старый товарищ, святой гражданин...
Мой единоведец по взятю Бастилий,
По темному бешенству гильотин?
И красный и черный, и робкий и ратный,
От кресел Версаля и до кабака
Ты кровью невинной на время запятнан
И кровью виновной отмыт на века.
Ровесник, палач и разведчик свободы,
Доныне по воле святых праотцов
Инстинкт продолжения знатного рода
Владеет покоями старых дворцов.
Еще и сейчас, перекрашены в хиппи,
Твои утописты над веком корпят,
И долго в углы твои смотрит по-рыбьи
Твой нищий, в остротах и струпьях до пят.
Да как же один ты несешь это бремя?
Родимый, возьми на подмогу меня...
Я тоже раздором пятналась на время,
Мой город двуликий, моя западня...
Не я ль распевала надменные песни,
И в жертвенном счастье тревог и потерь
И глупо, и долго стучался к невесте
Мой кроткий жених в безответную дверь?
Когда же обуглилось сердце в окопах,
С пустым автоматом в обмякших руках
Не я ли в твою заходила Европу,
По-русски болтая на всех языках?
Париж, я не знаю печальней обузы,
Чем вечную ярость под сердцем носить.

Позволь мне с моею заплаканной музой
На светлых бульварах твоих погостить.
Красивый, послушай! Лукавый, не слушай!
Не делай, притворщик, рассеянный вид...
Зачем ворошишь мою русскую душу,
Ее окаянный, смурной динамит?
Сколько честолобцев незнаемой далью
Сманил и стубил ты надеждой пустой?
Талант с ностальгической поздней печалью
Рыдал перед рампой твоей золотой...
Здесь злоба и месть пониманья просили,
И кто-то юродствовал, гол и бесстыж,
И кто-то божился, что верен России,
А ты им не верил, не верил, Париж!
Герои и трусы, слепцы и пролазы!
Но, плевел сумев отделить от зерна,
Ты прятал лишь тех от жандармского глаза,
Кому безоглядно Россия верна.
Ну что ж, коли так, моя вещая небыль,
Гости, сколько хочешь, в моей стороне...
Вот шпиль золотой упирается в небо,
И вечный кораблик плывет по луне.
Здесь сфинкс загадает загадки простые
И сказку расскажет тебе перед сном,
А бронзовый всадник, чье имя – Россия,
Попотчует, что ли, французским вином.

Донный свет

В ночь на 9 мая 1945 года

Накануне конца той великой войны
Были вешние звезды видны – не видны
За белёсою дымкою ночи.
В полусне бормотал настороженный дом,
И морзянкой стучала капель за окном:
Вопросительный знак, многоточье...
Ветер в трубах остывших по-птичьи звучал,
Громыхал ледоход о щербатый причал,
Пахло сыростью из подворотен,
А луна, словно сталь, и темна и светла,
По небесной параболе медленно шла
И была, как снаряд на излете.

«Портрет, сухим бессмертником увенчанный...»

Портрет, сухим бессмертником увенчанный,
За окнами – вечерняя река.
Мне старая рассказывала женщина
Про мужа своего, фронтовика.
– Обманутый он жил, да не обманутый,
Не охнувший ни в яви, ни во сне;
И грех мой был, да сплыл, не упомянутый,
Как лунная дорожка на волне.
Ответа от неверной не потребовал,
Простил меня прощеньем непростым.
Ох, знал родной, луна была серебряной,
Венчальное колечко – золотым.

«Прощённое грехопадение...»

Прощённое грехопадение.
Двузначная доброта.
Не более и не менее,
Как слабый удар хлыста.
Не крикнуть осатанело
И к милости не воззвать.
Ударь побольнее тело,
Чтоб душу уврачевать!

В чужой избе

Избу чужую на сезон
Снимаю нынче летом,
Жену когда-то выгнал вон
Мужик из хаты этой.

С тех пор он малость не в себе,
Весь год живет в сарае.
Одно понятие об избе —
Изба моя сырая.

Стоит погода черт-те что,
И ветер у колодца
Деревья гнет и ломит то,
Которое не гнется.

Когда же молния в окне
Запляшет бесновато,
Идет непрошено ко мне
Смурной хозяин хаты.

Чинит пристрастный мне допрос,
Честит гулящей бабой,
И красный свет с его волос
Дождем стекает на пол.

Велик и грозен, словно Бог,
Стучит сукастой палкой,
И вдруг осядет на порог,
Беспомощный и жалкий.

Я не гоню его взашей,
Терплю его приходы.
Из перекошенных траншей
Его безумье родом,

Из немудреного вранья
В ее коротких письмах,
Да из неждущего жилья,
Да из уверток лисьих.

Иной зажил – не затужил,
Иные что ж – простили...
А этот вот заспинной лжи
Рассудком не осилил.

На всё ему достало сил,
На всё, а на такое —
И разлюбить не разлюбил,
И не махнул рукою...

Полнеба залито войной,
Ее трескучим светом.
Все лето я чужой виной
Болею в хате этой,

А за окном потоп, потоп,
И ветер у колодца
Деревья гнет и ломит то,
Которое не гнется.

Баллада о весах

Мичман

С подводной лодки

Жене

Письма писал такие:

«Живем, как словно не на войне.

Стучим в бильярдной кием.

В сводках неточность.

Давно тишина

На нашем участке фронта».

Чтоб не заглядывала жена

За линию горизонта,

Чтобы в тылу, седом, как зола,

Могло ей украдкой петься,

Когда субмарина в атаку шла,

Стуча реактивным сердцем.

Потом был всплеск, и донный свет,

И рваный сигнал короткий.

И в штабе знали: спасенных нет.

И точными были сводки.

Но письма женщины шли, как часы,

С бестрепетной верой в завтра.

И в звездном небе качались Весы,

Взвешивая ложь и правду.

Туманом плавал и ел глаза
Разборчивый почерк тонкий...
И чей-то язык нескладно сказал:
«Отставить ей похоронку».
И кто-то свирепо куснул перо,
В растерянности моргая,
И вывел на бланке: «Мичман здоров,
Но у него другая.
Утешьтесь и вспомните: жизнь одна,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.